

**ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА ИРОНИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ И ЕЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПОДТЕКСТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ М.УСПЕНСКОГО
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖИХАРЯ»)**

Имя собственное всегда так или иначе включено в художественную систему произведения: в принципе любой оним эстетически маркированного текста есть результат выбора, творческого по своей сути.

Тем более это относится к номинативно-характеристическим онимам (они же «говорящие», или «значащие»). С другой стороны, фэнтези как жанр нередко предполагает странствия, связанные с топонимикой.

Всероссийская слава М.Успенского, полного кавалера всех российских премий в жанре фэнтези и многих в области юмора, неотделима от его знаменитой трилогии «Приключения Жихаря», сложившейся из трех последовательно написанных романов – «Там, где нас нет», «Время Оно» и «Кого за смертью посылать». Непременным атрибутом их поэтики является гротеск, предполагающий всевозможную игру со словом, в том числе и с топонимами.

Существенно, что само появление произведений, изобретательно демонстрирующих возможности обыгрывания ономастики, в свою очередь может стать катализатором для качественного скачка в повышении и роли этого приема, и мастерства исполнителей, причем как в оригинальной литературе, так и в переводах. Таким стимулом послужили в свое время переводы Н.Любимова из Рабле, позже, скажем, В.Муравьева и А.Кистяковского (лучший, думается, из переводов «Властелина Колец» Толкиена) и др. Из оригинальных произведений стоит упомянуть, например, о талантливом цикле «Евразийская симфония», изданном несколькими авторами под коллективным псевдонимом Хельм ван Зайчик и общим названием «Плохих людей нет».

В рассматриваемой нами трилогии – порядка 70 топонимов, включая ономастические перифразы, то есть имплицитные топонимы типа «невидимый остров короля Артура» (=Авалон), «озерко далеко-далеко на востоке¹ (с. 502), приравненное к пресному морю (= Байкал, ср. в

¹ М.Успенский. Приключения Жихаря. Романы. – СПб: Азбука, 2000, с. 502. Далее все цитаты из романа даются по данному изданию с указанием страницы в тексте.

народной песне: «Славное море, священный Байкал») и др. Кроме фоновых знаний для их восприятия очень важен контекст, окружение онима, проявляющее его подтексты. Скажем, название горы – *Чернуха* – несмотря на прозрачную внутреннюю форму, само по себе достаточно нейтрально (ср. Черногория, горный массив Шварцвальд, что означает «Черный лес», Черные горы в составе Большого Кавказа и др.). Однако на вершине Чернухи находится *Бессудная Яма* (конверсионный топоним, точнее, ороним, созданный с помощью заглавных букв), в которую на врытые на дне колья сбрасывают казнимых, притом без суда и нередко без вины (это показано в романе, о том же говорит сам эпитет *бессудная*), обрекая на долгую и мучительную смерть; это актуализирует внутреннюю форму и горы Чернуха, делая ее местом зла и смерти, своего рода стилистически сниженным посредством суффикса многоборским вариантом Тарпейской скалы в Древнем Риме или Тайгетской в Древней Спарте, тем более, что историко-мифологический экскурс есть и в тексте, несколькими строками ниже: «Яма – она и есть яма, недаром у далеких предков в жаркой стране за *Зимними Горами* (еще один перифрастический конверсионный топоним: имеются в виду горные системы с вечными снегами – Памир, Тяньшань, Гиндукуш, наконец, Гималаи и др. – Н.Х) бог смерти так и звался: Яма» (с. 22); страна предков за зимними горами, как нетрудно догадаться, для индоевропейских народов – Индия. В то же время в оним привносится в связи со всем сказанным и сугубо современное значение публицистического штампа – *чернуха*. Между тем, реальные географические онимы в своей исходной форме используются нечасто, в основном, когда они мало существенны для сюжета: *Кавказ* (с. 75), кратер *Фра Мауро на Луне* (с. 371), *Оркнейские и Фолклендские острова* (с. 661), *Бенилюкс* (с. 662) и ряд других. Единственным исключением может показаться древний Вавилон, куда по сюжету попадает Жихарь, однако и он в значительной степени перелицован на российский лад: скажем, имена вавилонских владык, действительно трудные для произнесения, вавилоняне, якобы, упростили, называя всех царей просто Вавилами – простонародное русское имя, хотя этимологически и означающее «житель Вавилона» (Грушко, Медведев 1998:73) – и различают их по прозвищам, прямо соотносимым с русской историей: Вавила Красное Солнышко, Вавила Большое Гнездо, Вавила Грозный и т.д. (см. об этом подробнее в Хачатурян 2012). Большинство же топонимов, сохраняя узнаваемость, подверглось определенной трансформации, рассчитанной на комический эффект.

Лимитированный объем работы вынуждает ограничиться рассмотрением стран (государств) и городов, хотя крайне интересной окказионализации подвергся, как видно уже из приведенных примеров, более широкий круг географических единиц (горы, озера, океаны и пр.).

1. Страны и государства. Поскольку трилогия М. Успенского — романы-странствия, собственно русская страна в них одна — *Многоборье*; условно можно приплюсовать также сходное по способу номинации *Семивражье*, название местности, ставшей своего рода государством-анклавом нечисти (ср. аллюзивно близкие Средиземье и Привражье «Властелина колец»). При этом автор, рассчитывая на соучастие читателя, лукаво предлагает напрямую только одно из нескольких возможных толкований и лишь по ходу действия подводит к обнаружению в топониме и других значений, не отрицающих друг друга и придающих ему многомерность. То же Многоборье уже на первых страницах представлено как страна, отделенная от других земель, «как всякому понятно из названия, множеством непроходимых боров» (с. 9), и это работает на сюжет. С другой стороны, Многоборье, под которым в целом подразумевается средневековая языческая Русь, — это место, где всегда много борьбы, прежде всего, междоусобной; вспомним летописную формулу приглашения Рюрика на княжение: «Земля наша велика и обильна, а порядка у нас нет. Приходите княжить и владеть нами». Она, кстати, ненавязчиво пародируется в первой главе первого романа, и затем эхом откликается в последней главе последнего, как бы обрамляя все повествование. В последней части показаны и печальные последствия бездумной борьбы «всех против всех». Наконец, многоборье — это спортивное соревнование, состоящее из нескольких видов физических упражнений или видов спорта, или их комплекс, а вся «одиссея» Жихаря есть многоборье, правда, не в имитируемых, а в реально боевых условиях. С формальной же точки зрения использован топонимический суффикс *-ье* (Приморье, Подмосковье, Закавказье и др.). То же касается Семивражья (с. 440): судя по названию, — это место, где имеется семь оврагов (Семивражье неудобно орфоэпически), однако говорится о нем не только как «о местности, сильно пересеченной», то есть овражистой, но и «пользующейся черной да худой известностью», что раскрывается в тексте довольно подробно, заставляя читателя увидеть в ониме и смысл *враг*, причем в значении «нечистая сила», понимаемом расширительно, как черная, вообще враждебная человеку: из спускавшихся в овраги не

возвратился никто (с. 441), и богатырь перебирается поверху, по тросу; не удержавшись, он глянул вниз и «увидел там такое, отчего вся недавняя корчемная пища тут же изверглась и полетела на дно оврага, где ее, конечно, ждали <...> «Всякое видал, – сказал он сам себе. – Даже игошей, кикимориных младенцев наблюдал – но чтобы такая пакость!» (с. 442). Однако именно между оврагами находится *Место Оно* (оказиональный топоним хронотопа, дополняющий узуальное *Время оно*), под которым, по-видимому, подразумевается Место Силы современной эзотерики, дающее выход в иное время и/или пространство, что и требовалось Жихарю, чтобы попасть во *Время Оно*.

В романах М. Успенского есть несколько названий стран (*Грильбар*, *Дискобар*), деапеллятивация которых произведена чисто конверсионным способом, то есть переводом существительных из нарицательных в собственные с помощью прописной буквы и контекста: «Супругу же взял не в подчиненных землях, а в заморском *Грильбаре* сосватал дочь старого царя Барбоза прекрасную Апсурду. То есть это она сама звала себя прекрасной, – потому что никто не решался сказать ей всю правду про ее рябое личико: Апсурда приловчилась травить ядом непочтительных» (с. 11). Кроме слова «заморский», в известной степени стимулирующего реапеллятивацию, то есть восстанавливающего в «топониме» и нарицательное значение (*гриль* и *бар*, как и *гриль-бар* – заимствования), последнее, в свою очередь, начинает корреспондировать и с глаголом «травить», соотносимым в нашем сознании с общепитом, что дает в сумме крепкий каламбур. Формально же использовано сходство с известными (и действительно «заморскими») топонимами типа Занзибар, Гибралтар, Мадагаскар.

Ряд стран, несмотря на трансформацию названия, узнаваем без всяких усилий: *Чайная земля* (=China, Китай, к тому же чай, связанный в нашем сознании с Китаем + топонимы типа Огненная Земля, Новая Земля и т.п.), «задиристая *Наглия*» (анаграмма Англии), «Бездумная *Бонжурия*», *Неспания*. В художественное пространство Жихариады отчасти входит и следующий роман Успенского «Белый хрен в конопляном поле», где упоминаются в экспозиции некоторые герои и используются, иногда с дополнительными деталями, некоторые топонимы трилогии. Там *Неспания* названа спесивой, что опосредованно проявляется и в тексте. Фоновые знания читателя позволяют ему увидеть в окказионализмах дополнительные оттенки смысла и за счет слов-сопроводителей,

скажем, Наглия содержит намек на высокомерие, а «задиристая» может быть истолковано как намек на воинствующую завоевательную политику Великобритании имперских времен, соответствующих хронологии романа. На примере Англии (напомним, что один из главных героев трилогии – англосакс) можно показать, сколь велики в умелых руках возможности обыгрывания одного и того же онима: в упомянутом романе Англия (Британия) трансформируется в Стрижанию: общеизвестная сказочная оппозиция «брито-стрижено» использована как намек на традиционно приписываемое англичанам упрямство, отраженное также и в трилогии, уже в самом имени будущего короля Артура – Яр-Тур. Жихарь, давая Безымянному Принцу это имя, аргументирует его сравнением с туром (ныне вымершим диким быком), считавшимся в Древней Руси символом воинской доблести. Однако бык – символ не только силы и упорства, но и упрямства, что и отражено также в прозвище англичан, принимаемом и ими самими, – Джон Буль, т.е. Джон Бык. В тексте романа-сателлита легко производится подмена Англия-Британия, поскольку Британия, вернее, Великобритания, есть, как известно, стандартизированный топоним, то есть «рекомендуемая «образцовая» форма топонима, принятая в официальных документах внутри страны и в международной практике» (Подольская 1988:131). В повседневности эти топонимы взаимозаменяемы, и мы легко понимаем, например, текст, в котором герои решают подсыпать «стрижанскому послу в миску стрижанской же соли; пусть родину вспомнит. Бедный лорд Сдохли, почувствовав за столом действие родимого снадобья, уронил монокль в борщ и, в нарушение протокола, помчался на выход»². Соответственно, великий стрижанский ученый сэра Олдтон – это английский (а не британский) Исаак Ньютон. Есть и переключки: в четвертом романе «требовалось выбить с бонжурской земли захватчиков-стрижанцев, сто лет назад высадившихся на бонжурский берег с острова *Стрижании*, он же *Туманный Балабон*» (с. 57). Балабон в просторечии – болтун, и тема эта развернуто реализуется в трилогии при встрече с Милордом: на нескольких страницах травестируется витиеватое, нарочито туманное английское парламентское красноречие с ироническими комментариями (сс. 526-529). В географическом же смысле Англия появляется и как *Туманный Остров*: водяной Мутило в назидание Жихарю рассказывает,

² М.Успенский. Белый хрен в конопляном поле. – М.: Эксмо, 2007, 185. Далее ссылки на роман даются по данному изданию с указанием страницы в тексте в скобках.

как перевоспитал свою русалку: «...теперь по одной половине плавает. А сперва-то как причитывала: кабы не ты, изверг, говорит, была бы я теперь прекрасной ундиной в Бонжурии! Врешь, отвечаю: кабы не я, ты бы сейчас на Туманном Острове в холодном Несс-озере страшилой работала! Ей и возразить нечего...» (с. 500). Туманный Остров здесь можно понимать и расширительно, как (Велико) Британию в целом (loch значит «озеро», и водоемы с таким компонентом есть и в собственно Англии, и в Ирландии, и в Шотландии), и более узко – как Шотландию (ныне часть Великобритании), где туманов тоже хватает, но есть еще и озеро Лох-Несс, в котором, предположительно, обитает крупное животное, названное по озеру – Несси. Что касается ундины, то на общепринятое значение здесь явно наслаивается аллюзия на романтическую повесть Фридриха де ла Мотта Фуке «Ундина», известную в русской культуре по переложению Жуковского. Наконец, в самом конце трилогии, так сказать, для самых непонятливых, использован и общеизвестный вариант – *Туманный Альбион* (с. 658).

Не менее многослойна и *Бабыя Земля Окаяния* (упоминается уже на с. 18, подробно – на сс. 196-202). На первый взгляд, имеется в виду страна амазонок, где живут только «бабы», отсюда «Бабыя Земля», да и при первой встрече мы видим женщин на конях и вооруженных луками и стрелами. Земля Окаяния весьма напоминает по форме также не только топонимы типа Огненная Земля, но и конкретно Океанию, т.е. совокупность островов в центральной и юго-западной частях Тихого океана, тем более, что на некоторых из них до сих пор сохраняется матриархат. Однако и семантика окказионализма Окаяния, напоминающая также об «Окаянных днях» Бунина, и весь чисто русский антураж, и стиль изложения однозначно вызывают ассоциации прежде всего с современной Россией и ролью в ней женщины: в Окаянии живут и мужчины, но руки у них «растут не из того места» в буквальном смысле этого метафорического выражения (якобы в результате колдовства), и хотя мужики жалуются на свое увечье, из-за которого им остается только пьянствовать, «Жихарю отчего-то показалось, что в душе они положением своим довольнешеньки» (с. 200).

Упоминается в трилогии и сказочная страна *Ненпростан*. Колорит ее в целом обобщенно восточный, но некоторые приметы сразу же с несомненностью указывают конкретно на Индию, имплицитно упомянутую, как помним, в начале трилогии: уже в первых строках довольно

объемного (сс. 359-364) повествования говорится, что царь «сидел на троне, из небесного железа отлитом, – из того железа, что не ржавеет и злых духов по ветру развеивает» (с. 359); между тем, одним из чудес Индии как раз считается железная колонна V века (415 г.) из храмового комплекса Вишну в Матхуре, перенесенная позднее в Дели и за столько веков не подвергшаяся ни малейшей коррозии (т.е. ржавчине), что и породило легенды (и теории) о ее небесном (метеоритном) происхождении. Среди прочей экзотики упоминаются и слоны: «Слонов я сам видел у Раджи Капура, который сам про себя поет, что, мол, бродяга, хоть и богат несметно» (с. 360). Индийский киноактер Радж Капур (его песенка про бродягу еще памятна многим) позже упоминается в трилогии и еще раз (с. 414), опять-таки при описании поместья богатого бизнесмена: известно, что сказочно богатый Капур окружил себя поистине княжеской роскошью, так что Жихарь не зря называет его раджой, актуализируя одновременно и санскритскую этимологию имени (царь, князь). Наконец, *Непростан* (формант – *стан* характерен для многих восточных стран) – страна «непростая», загадочная и полная чудес (некоторые описаны в тексте), что в русском сознании прямо связано с Индией; по форме же оним сразу напоминает Индостан, полуостров на юге Азии, большая часть которого как раз занята Индией.

По степени возрастания окказиональности дальше от географии отстоят, пожалуй, *Кромешные Страны*, то есть страны Африки. В каламбуре обыгрываются сразу оба значения прилагательного «кромешный», употребляемого с очень ограниченным кругом слов: «кромешный мрак (тьма)» – о непроглядной, беспросветно-черной тьме и «кромешный ад (мука)» – о чем-то мучительном, трудно переносимом. Так одним онимом дана, в сущности, исчерпывающая характеристика Черного континента в современном мире. Еще более окказионален и уже вовсе не связан с реальной географией *Драбадан* (сс. 219-230) – страна злых колдунов. Исходное слово в языке используется только в форме «в драбадан» и в значении «до предела», главным образом с глаголами опьянения (напиться, нализаться и мн. др.), что, наряду с выразительным звучанием, очевидно, и обусловило выбор автора. С другой стороны, внешне Драбадан напоминает ряд городов (Магадан, Абакан) и рек (Алдан, Иордан), что позволяет читателю опознать его как топоним.

Как положено в сказочном повествовании, в трилогии чаще всего встречаются царства и королевства. Самым сказочным и, как ни пара-

доксально, самым современным по проблематике оказывается *Недвижное Царство*: сказочный сюжет о спящей красавице перенесен в период «дикого капитализма» в России с его разборками и беспределом, на загородную виллу богатого бизнесмена, собиравшегося отметить совершеннолетие дочери и павшего вместе с гостями жертвой мести могущественного врага. Поцелуй принца (а сирота Жихарь – наследный принц с погибшей планеты, хотя этого пока не знает) снимает власть заклятия, но бессилен против власти реальности: люди и все, что их окружает, мгновенно обращаются в прах (с. 416). Подтекст эпизода весьма многопланов.

Подгнившее Королевство не существует в реальности, но известно всему миру: это шекспировское королевство принца Гамлета Жихарь вспоминает рассказ «об одном заморском королевиче из Подгнившего Королевства. Тот, чтобы вывести на чистую воду своего дядюшку, через убийство родного брата взошедшего на престол...», и так далее по Шекспиру. Образованный же читатель практически не нуждается в дальнейшем изложении сюжета, сразу узнавая крылатую фразу Гамлета «Подгнило что-то в Датском королевстве» (пер. М.Лозинского, правда, у него «государство»).

Пресловутая политкорректность, усердно насаждаемая США, равно как и издержки американского феминизма, выходящие за пределы здравого смысла, также отразились в последней части трилогии. Мудрый Мерлин, дабы излечить от бесплодия королеву Джиневру, переносится с нею в другое время, в англоязычное королевство «сэра Президента Республиканского» (с. 661), т.е. в США (в этом эпизоде нам видится также аллюзия на «31 июня» Дж.Б.Пристли), где действительно достигнуты большие успехи в решении этой проблемы. Однако, излечившись от физического недуга, Джиневра подхватила и занесла в свою страну бациллы «злого духа Феминизма» и политкорректности, на комментарии к которым автор не жалеет сарказма. Приведем лишь минимальный отрывок без раскрытия подтекстов: «Нельзя было назвать подлеца подлецом, вора – вором <...> и величали главаря разбойничьей шайки «полевым командиром», а саму шайку – «вооруженным формированием» <...> и даже самый обычный дурак стал теперь «представителем интеллектуального большинства» (с. 662-663). Интересно, что выборной республикой является и ранее упоминавшийся Драбадан: «К удивлению Жихаря, оказалось, что в Драбадане вовсе не водится царя,

короля или хотя бы князя. Каждый год самые сильные колдуны собирались на Совет Нечестивых, чтобы избрать Всем Злым Делаем Начальника и повиноваться ему во всем до следующих выборов» (с. 219). К слову, Совет Нечестивых этой своеобразной чародейской Спарты (у города-государства нет оборонительных сооружений), кроме прочих подтекстов, – цитата из Псалтыри: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей» (Псалт 1:1) и неоднократно встречается также в книге Иова (10:3, 21:16, 22:18). Как далеко зайдет в своих аналогиях читатель – решать ему самому.

Как уже отмечалось, в трилогии достаточно часто топонимы представлены перифрастически. Считаем возможным отнести к их числу и «страну», в которой Жихарь побывал в первой части с Яр-Туром, а в последней – с Колобком. Имеется в виду система концлагерей, своего рода государство в государстве (прием, отмеченный нами и ранее). «Что же это за страна такая? Никогда не случалось сюда закатываться», – говорит Колобок (с. 687), который с незапамятных времен скитается по земле и ранее утверждал (с. 518), что везде побывал и все повидал. «Вот и хорошо, что не случалось: тут за хлебную пайку запросто могут голову оторвать. Я тоже нынче всю дорогу размышляю – что за страна? Не мое ли Многоборье таким было? Или еще будет?» – задается вопросом Жихарь, (напомним, что в трилогии времена сместились), а когда наши герои подверглись нападению оставшихся в бараках клопов, кровопийц и кровососов, добавляет: «Новых постояльцев дожидаются» (с. 688). После А.Солженицына ответ на вопрос, что это за страна в стране, однозначен – это *Архипелаг ГУЛАГ*. Тем более, что и окказионализм Окаяния, по наполнению соотносимый, как уже говорилось, с «Окаянными днями» Бунина, по форме соотносится с Океанией, являющейся, по сути, макроархипелагом, разбросанным на огромном пространстве (как и ГУЛАГ).

С другой стороны, горько-ироническим ответом могут служить и известные гордые строки из «Песни о Родине» на слова В.И. Лебедева-Кумача (музыка И.О. Дунаевского): «Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек», тем более, что упоминание о Лебедеве-Кумаче, в достаточно ироническом контексте, в трилогии есть (с. 10). В четвертом романе этот подтекст эксплицируется: иноземец, едущий через Многоборье, именуемое теперь Посконией (от «посконь» – домотка-

ный холст из волокна конопли или одежда из него), говорит местному уроженцу: «Чудна и удивительна посконская держава. Я, например, другой такой страны не знаю. А ты <...> любишь ли свою землю?» – «Люблю: иной-то ведь не знаю» (с. 49).

2. Города (астиионимы). Пожалуй, единственным городом, кроме упомянутого ранее древнего Вавилона, фигурирующим в трилогии без изменения формы, стал бегло упомянутый древний же Илион, хотя и тут были выбраны менее популярные ониимы Илион (и Улисс), а не Троя (и Одиссей) (с. 54), да еще в сказке, которую рассказывает детям Жихаря «гувернянька», Дурак-царевич, следуя наставлениям Яги Прекрасной, попадает в город *Голливуд* (с. 617), где «У ворот стоит Великий Немой и кричит» (Великий немой – перифрастическое название немого кино). Голливуд вполне можно сопоставить не только с городом, но даже с анклавным государством, так что логика в сказке есть. Другие же города образованы по традиционным моделям или с каламбурным изменением реально существующего топонима.

Первым следует назвать стольный град, т.е. столицу Многоборья – *Столенград*. «Апсурда (! – Н.Х.) как раз и придумала наречь самую большую многоборскую деревню Столенградом – как будто у других князей города не стольные!» (с. 12). Абсурдность распространяется, на наш взгляд, и на реальное (хотя по-своему оказавшееся весьма символичным) переименование Царицына в Сталинград, формальная аналогия с которым приходит в голову немедленно. Однако намек на деревню, в первую очередь, думается, метит в Москву, которую, начиная с XIX века, часто уничижительно называли большой деревней (особенно в противопоставлении с Петербургом): именно Москва (а не Сталинград) долгие годы действительно была «стольным градом» и резиденцией Сталина. В дальнейшем эта догадка находит свое подтверждение: Жихарь во сне мчится на белом коне к семибашенному Столенграду, чтобы разобраться с князем Жупелом (с. 269). Если учесть, что никаких башен у Сталинграда нет и никогда не было, его скорее можно назвать безбашенным, что на молодежном сленге обозначает способность к безрассудным поступкам; именно в этом смысле слово употреблено и в четвертом романе (с. 148). Однако и ассоциация Столенград – Сталинград – Царицын продолжает мерцать на заднем плане: в той же Москве обнаруживаются и другие башни, для нас небезынтересные: в комплексе известного Новодевичьего монастыря есть Царицына башня с Преоб-

раженской надворотной церковью, а в историческом Подмоскovie (давно вошедшем в городскую черту) – стилистически восходящие к башням Кремля башни Большого Царицынского дворца XVIII века (правда, их не 7, а 8) с очень странной, а в нашем контексте, и символической судьбой: дворец строил В.Баженов как летнюю резиденцию Екатерины Второй, но потом царица его забракoвала, главный дворец комплекса был снесен и заново заказан, теперь уже М.Казакову, строился 10 лет (1786-1796), но закончен так и не был: после смерти Екатерины Павел Первый отказался от загородной резиденции матери. Все эти перипетии весьма напоминают (пусть не только и не столько) историю Царицына-Сталинграда-Волгограда; де-факто же Столенградом была Москва, к тому же, многобашенная: часы на Спасской башне и по сей день – главные часы России (да и сам Кремль, – тоже многобашенный: у него 20 башен).

Однако люди старшего и даже среднего возраста в первую очередь соотнесут семь башен Столенграда с так называемыми «семью сестрами» (они же «сталинские высотки») – семью высотными зданиями Москвы, построенными в 40-60 гг. XX века (главное здание МГУ и др.) При этом по постановлению Совмина СССР планировалось возведение в столице не 7-и, а 8-и «башен», призванных символизировать 8 веков Москвы, восьмисотлетие которой широко отмечалось в 1947 году. Семь из них были построены, а строительство восьмой прекращено после смерти Сталина, к большой, кстати, пользе для ансамбля Кремля: высотка в непосредственной близости подмяла бы его под себя, что в значительной степени и произошло позднее даже из-за более умеренной гостиницы «Россия», построенной в 1964 – 1967 гг. на завершeнном к 1953 году стилобате законсервированной новостройки. Аналогия с Большим Царицынским дворцом и его судьбой столь же удивительна, сколь, на наш взгляд, и очевидна. Прав классик: «Бывают странные сближенья». Запланированы они автором или нет – в конечном счете не суть важно: читатель исходит из текста. Они не обязательно возникают у всех читателей, некоторые из них, возможно, субъективны. Б.М.Гаспаров в своем классическом исследовании о романе М.Булгакова сказал об этой специфике постмодернистского неомифологизма удивительно точно: «Одни смысловые связи являются достаточно очевидными, многократно подтвержденными в различных точках повествования; другие же оказываются более слабыми и проблематичными в связи с тем, что они

проявляются лишь в изолированных точках (не получают многократно подтверждения), либо вообще имеют секундарный характер, возникающая как производные не непосредственно от самого текста романа, а от вторичных ассоциаций, генерированных этим текстом. В итоге в нашем восприятии романа возникает некоторая центральная смысловая область и наряду с этим окружающие ее периферийные области. Последние заполняются открытым множеством все менее очевидных, все более проблематичных ассоциаций, связей, параллелей, уходящих в бесконечность» (Гаспаров 1988:99).

Нестьград (с.с. 103-118) назван так основателями «в знак того, что нет на земле града, подобного ему» (с. 103). Название создано по той же модели, что и Столенград; семантически существенна и акцентируется первая часть, означающая «нет», т.е. Нестьград означает – «нет такого города». Соответственно и название, и описание города начинают ассоциироваться с «Утопией» Томаса Мора (греч. *υ* – не, нет + *τοπος* – место, то есть «место, которого нет»), стремившегося описать совершенную социальную систему; ироническое отношение М.Успенского к утопическому социализму в романе достаточно очевидно. Однако в нем реализуется и словесная игра уже со словом *Утопия*, по-русски омонимичным корню гнезда *утопить* (-ся), *утопный* (прост.), *утопленник* и др.: в Нестьград можно войти не всем и только однажды: вернувшись с полпути, побратимы видят Нестьград уже на дне озера (т.е. его нет *на земле*). Жизнь в нем продолжается, но попасть туда невозможно. Теперь уже возникает явная аналогия с легендарным градом Китежем. Но тогда всплывает в памяти и еще один имплицитный топоним, точнее, лимноним как вид гидронима – озеро Светлояр, на дно которого утопическая по своей сути легенда со времен Батюя помещает укрытый от зла город праведников, иногда являющий себя и простым смертным.

Наконец, самым, быть может, ярким примером травестирования, связанного с топонимикой, является сюжет «Крестного отца» Марио Пьюзо (в трилогии он Марьян Пузо), изложенный слогом древнерусской былины под названием «Песня про тихого дона»:

Во краю заморском, далекиим,
Во стране далекой, заморской,
Там стоял могуч Новоеков-град
По-над быстрою Гудзон-реченькой.

А и жил там поживал старинушка,
Поживал там тот ли славный тихий дон,
Славный тихий дон Корлеонушка

(с. 541-542).

Вообще говоря, смешной *Новоерков-град* – это, в сущности, перевод Нью-Йорка на русский язык (есть же, например, Новый Орлеан), просто узус не разрешает переводить именно этот топоним, да еще в утрированно-концовой форме. Дон же со всей определенностью обозначает положение «Корлеонушки-сиротинушки» в мафиозной иерархии. Однако в дальнейшем Майкл Корлеоне декларирует, что «придется поратовать за батюшку, / Постоять за вольный тихий дон» (с. 543). У русскоязычного читателя «Песня про тихого дона» и так вызывала ассоциации с эпосей М.Шолохова «Тихий Дон»; в приведенных строках она получает весомое подкрепление, так как «вольный тихий дон», кроме лексики, узуально связанной с Доном и казачеством, еще и стоит в форме, возможной в винительном падеже только для неодушевленного существительного (не «за тихого дона», а за «тихий дон»), что дает все основания видеть здесь (особенно на слух – «Песня» исполняется сказителем) и «тихий Дон», и «Тихий Дон» М.Шолохова. Переключка же рек, кроме того, может вызвать в сознании и переключку городов (Нью-Йорка-на-Гудзоне и Ростова-на-Дону) с рядом возникающих при этом и не противоречащих теме криминальных ассоциаций, тем более, что текст «Песни» вообще полон комических межкультурных состыковок («Исполать тебе, Коза Нострая!», «Харалужные Смиты-Вессоны» и др.), а в применении к подобным онимами королеву играет свита, что мы не раз видели и на других примерах.

В уже цитированной ранее статье Б.М.Гаспарова содержится и еще одно тонкое и важное наблюдение, в полной мере применимое и к романам М.Успенского. Он указывает, что «и процесс генерации структуры сохраняет те же определяющие черты. Автор сознательно строит какую-то часть структуры; тем самым он как бы запускает ассоциативную «машину», которая начинает работать, генерируя связи, не только отсутствовавшие в первоначальном замысле, но эксплицитно, на поверхности сознания, быть может, вообще не осознанные автором (плодотворность первоначального замысла, быть может, как раз и определяется продуктивностью такой вторичной генерации). Аналогично и читатель воспринимает сам принцип работы индуцирующей «машины» и некоторые ос-

новые ее параметры, после чего процесс индукции смыслов идет лавинообразно и приобретает открытый характер» (Гаспаров 1988:99). Высокое качество текста придает этому процессу характер увлекательного интеллектуального сотворчества и одновременно приобщает читателя, особенно молодого, к непреходящим ценностям русской истории, культуры и языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Успенский М.** Приключения Жихаря. Романы. – СПб: Азбука, 2000.
2. **Успенский М.** Белый хрен в конопляном поле. – М.: Эксмо, 2007.
3. **Гаспаров Б.М.** Из наблюдений над мотивной структурой романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. – Рига, № 10, 1988.
4. **Грушко Е.А., Медведев Ю.М.** Имена... – М.: Рольф, Айрис-пресс, 1998.
5. **Подольская Н.В.** Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988.
6. **Хачатурян Н.А.** Восток и Запад в ироническом фэнтези // Воске диван. – Ереван, 2012.

Ն.Ա. ԽԱՉԱՏՈՒՐՅԱՆ

ՀԵԳԵԼԱԿԱՆ ՖԵՆՏԵԶԻԻ ԴԻՊԿԱԾԱՅԻՆ ՏԵՂԱՆՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ԴՐԱՆՅ
ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԵՆԹԱՏԵՔՍԵՐԸ (Մ.ՈՒՍՊԵՆՍԿԻ «ԺԻՆԱՐԻ
ԱՐԿԱԾՆԵՐԸ» ԵՈՒԳՐՈՒԹՅԱՆ ՆՅՈՒԹԻ ՀԻՍԱՆ ՎՐԱ)

Ամփոփում

Մ.Ուսպենսկո՝ արդեն դասական դարձած ֆենտեզի ժանրի «Ժիխարի արկածները» եռագրության նյութի հիման վրա հողավաճում վերհանվում են նշանակալից հատկանունաբանության (մասնավորապես՝ տեղանունների) լայն հնարավորությունները հեգելական միջտեստային շարադրանքի ստեղծման ընթացքում: Հեղինակի վիրտուոզ կերպով օգտագործած հնարքների լայն գունապնակի երեսկումը թույլ է տալիս եզրակացնել, որ նման բարձր գեղարվեստական մակարդակի բառաստեղծումը ոչ միան մտավոր բավականություն է պատճառում ընթերցողին, այլև խթանում է մոդելավորված հատկանունաբանության առավել ակտիվ ու բազմազան գործածությունը այլ հեղինակների կողմից ինչպես բնագիր ստեղծագործություններում, այնպես էլ թարգմանություններում: